

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ*

Р. В. Парма

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр., 49

В статье, исходя из уровня медиапотребления и угроз деструктивного влияния, измеряется отношение российской молодежи к вводимым государством ограничениям распространения информации в интернете, социальных медиа и мессенджерах. На основании онлайн-опроса целевой аудитории обозначены проблемы безопасности цифровой среды коммуникаций, в которой распространен противоправный и аморальный контент. В исследовании предметно определено отношение молодежи к созданию «суверенного интернета» и цифрового профиля российского гражданина, к введению социального рейтинга, «права на забвение» и персональной идентификации пользователей, к запретам фейковых новостей и оскорблений власти. Также выявлено отношение молодежи к блокированию государственными органами цифровых ресурсов, в частности мессенджера Telegram. Автором определено соотношение сторонников введения жестких ограничений, сторонников избирательных ограничений и противников ограничений среди молодых пользователей цифровых коммуникаций. Кроме того, в исследовании выявлены предпочтения молодежи в отношении возможных регуляторов правил поведения в цифровой среде. По результатам проведенного исследования сделан вывод, что онлайн-среда не воспринимается значительной частью молодежи как безопасное пространство повседневной активности. Большинство респондентов регулярно сталкиваются с различными негативными эффектами сетевых структур. При этом введение более жестких мер регулирования интернета является дискуссионным вопросом. В частности, молодежь склонна поддерживать лишь ряд инициатив, критически оценивая политизацию данного процесса, воспринимая данный факт как механизм усиления контроля государства над обществом. Учитывая высокую неоднородность современного «цифрового поколения», автор актуализирует проблемы манипуляционного воздействия на аудиторию и внешних информационных угроз.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, цифровая среда, государственная политика, регулирование отношений, *суверенный интернет*, онлайн, офлайн, молодежь.

КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ранее в научных кругах доминировали представления о возможности создания свободного цифрового мира [Шмидт, Коэн, 2013] и распространения глобального цифрового гражданства [Mossberger, Tolbert, McNeal, 2008], которые подавались идеологами и футурологами как ключевые тренды мирового общественного развития. В настоящее время более соответствующими реаль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33041.

ности признаются научные концепции, которые рассматривают цифровой мир как пространство информационного управления обществом [Кастельс, 2016]. Ключевой тренд общественного развития на построение глобального цифрового мира сменился на национализацию государствами информационного пространства цифровых коммуникаций. По мнению отдельных зарубежных исследователей, повышенное внимание к цифровому суверенитету коррелирует с поворотом к суверенитету в социальных и гуманитарных науках, тесно связанному с прежде преобладавшими в экспертном сообществе убеждениями о размывании государственных границ и представлением об упадке национальных государств. Однако в геополитическом контексте государства остаются важнейшими политическими акторами, которые стремятся удержать суверенитет над своими территориями и гражданами, прибегая к мерам нормативного регулирования цифрового пространства [Кутюр, Тоупин, 2020].

В современных российских исследованиях процесс установления национального контроля цифровой среды коммуникаций находит отражение в дискуссии о «суверенном интернете». Одни российские исследователи во вводимых государством ограничениях усматривают опасность неправомерного контроля, который может сдерживать потенциал гражданского участия и публичного управления. Создание суверенного интернета решает проблему внешнего влияния, но создает угрозу открытости и прозрачности социальных коммуникаций [Сморгунов, 2019].

Другие исследователи исходят из соображений национальных интересов, отмечая, что «наличие у государства возможностей и способности самостоятельно определять, какие нормы, ценности, смыслы, символы, модели политического мышления и поведения будут транслироваться в цифровой среде, напрямую определяет потенциал государства в сфере обеспечения политической стабильности» [Никонов и др., 2021]. Информационное манипулирование обществом посредством цифровых коммуникаций представляется одним из способов удержания доминирования развитых стран на мировой арене [Зубец, 2021].

Открытая цифровая среда коммуникаций создает возможности для информационного вмешательства во внутренние политические процессы, что тесно связано с вопросами национальной безопасности и государственного суверенитета [Володенков, 2020]. Такая ситуация ведет к реализации конкурентного сценария трансформации интернет-пространства, состоящего в противостоянии тенденций глобализации пространства цифровых коммуникаций технологически развитыми государствами, стремящимися к геополитической экспансии и гегемонии, и национализации цифрового пространства странами, намеренными обеспечить суверенитет и устойчивость политических режимов [Артамонова, Володенков, 2021].

Рассматривая российский медиадискурс обсуждения значимых норм в регулировании распространения информации в цифровой среде, отдельные исследователи приходят к заключению, что политические эффекты принятия законов в отношении онлайн-платформ не только связаны с задачами установления государственного контроля, но и продиктованы ценностными основани-

ями самого общества [Каминская, 2021]. Отмечают также, что в регулировании цифровых коммуникаций власти, с одной стороны, либерально подходят к реализации норм отражения частной жизни граждан в медиасфере, с другой стороны, усиливается контроль за проявлениями экстремизма и асоциальным контентом, ужесточение наказаний за невыполнение предписаний государственных органов [Панкеев, Тимофеев, 2020].

Развитие безопасного информационного пространства в целом и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия в частности были определены стратегическими задачами развития России¹. Исходя из этого возникает необходимость исследования общественных установок в отношении введения правил поведения пользователей в цифровой среде. Наибольший интерес вызывает общественное мнение российской молодежи, сформировавшейся как «цифровое поколение».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представленные данные выявлены на основании онлайн-опроса молодежной аудитории, использующей цифровые коммуникации. Опрос общественного мнения был проведен в сентябре 2021 г. Репрезентативная выборка составила 1200 респондентов 15–29 лет, квотированная по полу и возрасту.

Согласно результатам исследований, прослеживается следующее распределение продолжительности ежедневного использования цифровых коммуникаций российской молодежью. Менее половины (43 %) «погружается» в онлайн-среду ежедневно более чем на шесть часов, показывая интенсивный уровень медиапотребления. Около половины молодежи (49 %) проводит в онлайн-среде от двух до шести часов, демонстрируя относительно умеренный уровень медиапотребления. Лишь малую часть молодежи (8 %), пребывающую онлайн ежедневно менее двух часов, следует отнести к аудитории с низким уровнем медиапотребления. Российская молодежь наиболее интенсивно использует онлайн-среду в ежедневном режиме для общения (81 %), развлечений (73 %) и веб-серфинга (66 %). Использование цифровых коммуникаций в целях образования и работы заметно меньше (50 %), для самовыражения, ведения бизнеса и покупки товаров еще меньше (24, 15 и 14 % соответственно). В целом для абсолютного большинства российской молодежи исследуемая среда не стала утилитарной площадкой для достижения практических задач личного развития и профессионализации [Пырма, 2021].

В оценках молодежи цифровые коммуникации не являются безопасной средой, где происходит однозначно позитивная социализация поколения (табл. 1). Более половины (57 %) молодых пользователей часто сталкиваются в цифровой среде с ненормативной лексикой. Значительная часть (28 %) молодежи отмечает обилие фейковой информации в «цифровой паутине». Почти четверть (23 %) молодых пользователей часто подвергались кибербуллингу.

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Таблица 1. Распространенность противоправной и аморальной информации в интернете. «Вспомните, как часто за последний год вы сталкивались со следующими ситуациями в процессе интернет-коммуникации?», %

Ситуация	Часто	Иногда	Никогда
Использование мата, нецензурных выражений	57	28	15
Распространение фейков, информации, не соответствующей реальности	28	48	24
Травля человека в интернете	23	40	37
Кража персональных данных, угрозы, шантаж	20	37	43
Подталкивание к демонстрации интимных фотографий	19	34	47
Использование тюремной лексики, пропаганда АУЕ ²	14	38	48
Распространение экстремистского контента	10	33	57
Подталкивание к самоубийству, суицидальные публикации	5	26	69
Подталкивание к вооруженному нападению	5	17	78
Распространение террористического контента	5	16	79

У несколько меньшей части (20 %) респондентов мошенники не раз похищали в интернете персональные данные, используя их для шантажа и воровства денег с банковских карт. Почти столько же (19 %) молодых пользователей склоняли к показу интимных изображений. Значительная часть (14 %) опрошенных часто сталкивались с асоциальной тюремной субкультурой. Существенная часть (10 %) — с контентом экстремистского характера. Некоторые молодые пользователи (5 %) множество раз встречались с информацией, подталкивающей к суициду. Столько же опрошенных сталкивались с террористическим контентом и призывами к насилию и вооруженной борьбе.

В целом, согласно данным онлайн-опроса, с асоциальным контентом в интернете регулярно сталкивается примерно пятая часть (19 %) молодых пользователей. При этом около половины молодежи (43 %) лишь иногда встречала такую негативную информацию, а несколько меньшая часть (38 %) практически ее не замечала. Причем с подобным контентом чаще сталкиваются женщины (21 %), чем мужчины (16 %), в старшем школьном и студенческом возрастах (19 % и 21 % соответственно). Вместе с тем цифровая среда является гипертрофированным отражением проблем социума в реальной среде. Однако цифровая среда дает больше возможностей для скрытого и быстрого распространения информации на широкую аудиторию без значительных усилий.

² АУЕ — запрещенная в РФ организация.

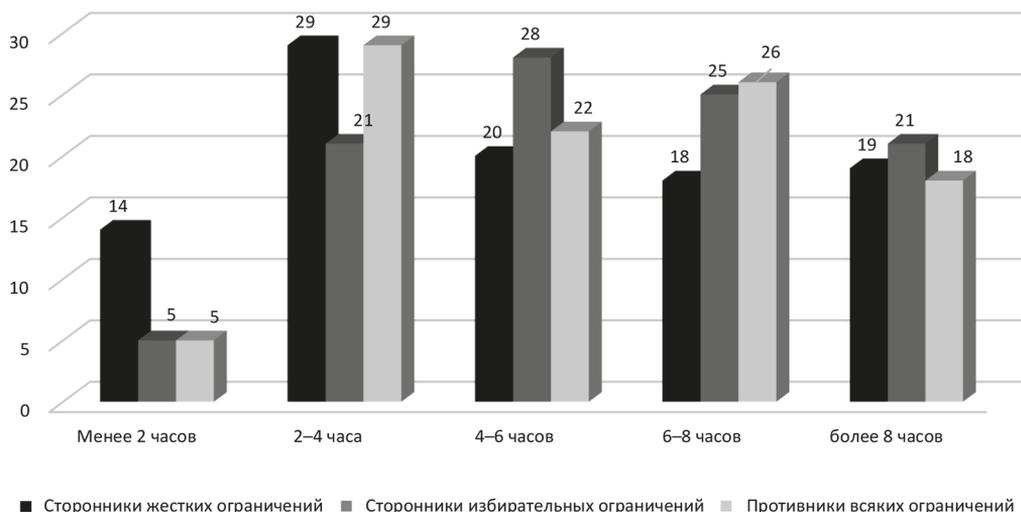

Рис. Отношение российской молодежи к регулированию отношений в цифровой среде в зависимости от времени, проводимого онлайн. («Сколько времени ежедневно вы проводите онлайн?», %)

Пользователей вовлекают в деструктивные действия, которые намеренно или под воздействием эффекта диффузии ответственности нарушают принятые в обществе правовые и нравственные нормы.

Социальная стратификация пользователей по их отношению к введению государством ограничений распространения информации в цифровой среде выявила следующее распределение (рисунок). Сторонниками жестких ограничений оказалось более четверти (26 %) молодых людей, среди которых значительно больше женщин (31 %), чем мужчин (21 %), существенно больше молодежи старшего возраста 25–29 лет (31 %), чем среднего возраста 20–24 лет (20 %) и младшего возраста 15–19 лет (23 %). Сторонники избирательных ограничений оказались весомым большинством (60 %), в котором мужчин несколько больше (62 %), чем женщин (58 %), а представителей возрастных групп 15–19 лет (63 %) и 20–24 года (63 %) больше, чем групп 25–29 лет (56 %). Противники ограничений составляют значимую часть (14 %), в которой заметно больше мужчин (17 %), чем женщин (11 %), а представители возрастной группы 20–24 лет преобладают (17 %) над представителями групп 15–19 лет (14 %) и 25–29 лет (13 %). Отношение к ограничению распространения информации в интернете в определенной степени зависит от времени, проводимого в цифровой среде. Так, молодые пользователи с умеренным временем «цифрового погружения» (2–4 часа ежедневно) оказались наиболее поляризованной группой в оценках распространения регулирования онлайн-среды. Пользователи со средним временем нахождения в сети (4–8 часов ежедневно) оказались более склонны к введению мягких ограничений.

Таблица 2. Отношение молодежи к ограничениям различной информации в интернете. «На ваш взгляд, необходимо ли технически и законодательно ограничить доступ пользователей к следующей информации в интернете?», %

Тип информации	Ограничить для всех	Ограничить для детей	Не нужно ограничивать
Детская порнография	79	14	7
Пропаганда самоубийства и нанесения вреда здоровью	71	21	8
Вовлечение в террористические организации, устрашение убийствами	70	21	9
Изготовление, распространение и употребление наркотиков	68	22	10
Религиозная, расовая, национальная вражда	61	27	12
Ложных сведения, порочащих честь, достоинство людей	60	24	16
Тюремная лексика, криминальная субкультура АУЕ ³	47	38	15
Призывы к свержению власти, разрушению целостности России	34	34	32
Порнография	32	46	22
Мат, сквернословие	24	44	32
«Пиратские» программы, фильмы, музыка, книги	24	25	52

Между тем при рассмотрении конкретной проблемы распределения сторонников и противников регулирования информации в цифровой среде общая картина меняется (табл. 2). Абсолютное большинство молодежи поддерживает введение строгих запретов на сексуальное растление детей и провоцирование суицидальных намерений. Сопоставимые доли молодежи не приемлют пропаганду терроризма, наркомании, а также религиозной, расовой и национальной ненависти. Большинство опрошенных приветствует введение ограничений на клеветническую информацию, порочащую личность. В вопросе о запрете употребления криминальных понятий, символов и ценностей мнение молодежи уже не отличается категоричностью: более трети допускают ограничение только для несовершеннолетних граждан. Тревожным выглядит отношение молодежи к экстремистской информации: треть опрошенных не видят необходимости

³ АУЕ — запрещенная в РФ организация.

в ограничении контента с призывами к свержению власти и нарушению территориальной целостности страны, а треть допускают такие ограничения только для детей. Большинство не поддерживает введение жестких запретов на распространение порнографии, при этом многие приветствуют запрет на ее показ несовершеннолетним; ограничения на употребление ненормативной лексики считает нужным установить только для детей, вообще не видит необходимости ограничивать оборот «пиратского контента» в интернете.

Интерес в данном исследовании также представляет отношение молодежи к блокированию государством популярного мессенджера Telegram на территории России. Около половины (46 %) молодежной аудитории негативно отнеслись к запрету этого цифрового ресурса коммуникации. Несколько меньшая часть (41 %) нейтрально восприняла введенные меры. При этом только немногие (10 %) поддержали запрет. Причем более негативно к блокировке отнеслись мужчины (52 %), чем женщины (40 %). Группа молодежи юношеского возраста, которую в значительной степени составляют старшеклассники и студенты, выразила большее (48 %) недовольство принятыми государственными органами мерами, чем респонденты зрелого возраста (43 %). Данное распределение оценок можно объяснить различиями в интенсивности пользования цифровой платформы Telegram и осознанности террористической опасности в возрастных группах.

Среди обсуждаемых нововведений в области регулирования цифровой среды важным аспектом исследования оказалось отношение молодежи к формированию «суверенного интернета» (табл. 3). Абсолютное большинство молодых пользователей не приветствует введение национального режима ограничений, опасаясь быть отрезанными от привычного мирового онлайн-пространства коммуникаций. Большинство также не поддерживает введение наказания за публичное оскорбление представителей власти в цифровой среде, которая воспринимается пространством свободы выражения своего мнения и избегания ответственности. Внедрение цифрового профиля гражданина молодежь воспринимает неоднозначно, эта новация вызывает некоторую настороженность. Большая часть опрошенных поддерживает введение запрета на распространение фейковой информации в цифровой среде. Еще больше молодых пользователей цифровых коммуникаций положительно относится к введению практики «права на забвение», состоящей в возможности удаления лживой, порочащей информации в интернете по запросу гражданина.

К идее создания «суверенного интернета» мужчины относятся более негативно (точно не нужно — 57 %, скорее не нужно — 17 %), чем женщины (точно не нужно — 44 %, скорее не нужно — 21 %). Большая часть молодежи в возрасте 15–19 и 20–24 лет считает, что «суверенный интернет» точно создавать не нужно (57 % и 52 % соответственно), респонденты в возрасте 25–29 лет уже менее категоричны (47 %) в отрицании необходимости национального регулирования онлайн-среды. Введение запрета на «оскорбление власти» категорически не приветствуют 44 % молодых людей мужского пола и только 27 % женского. Неприятие такой нормы высказывает больше молодежь школьного и студенческого возрастов (по 38 %), несколько меньше — старшего возраста (33 %).

Таблица 3. Отношение к определенным изменениям по регулированию интернета. «Нужны и в России следующие изменения в сфере регулирования интернета?», %

Тип регулирования	Точно не нужны	Скорее не нужны	Скорее нужны	Точно нужны	D	Затруднились ответить
Создание «суверенного интернета»	51	18	11	7	-51	13
Запрет на оскорбление власти	36	21	21	7	-29	14
Создание цифрового профиля гражданина	24	18	26	14	-2	18
Запрет на фейковые новости	20	17	31	21	15	11
Распространение «права на забвение»	14	11	33	25	33	15

В отношении инициативы создания цифрового профиля российского гражданина мужчины демонстрируют большую, чем женщины, осведомленность и более категоричны как отрицательные, так и положительные оценки. В младших возрастных группах прослеживается склонность поддержать данное нововведение. Запрет на фейковые новости в заметно большей степени склонны поддержать женщины (61 %), чем мужчины (43 %). Молодежь студенческого возраста более расположена поддержать эту норму, чем другие обозначенные возрастные группы. Распространение практики введения «права на забвение» также в большей степени поддерживают женщины (64 %), чем мужчины (54 %). Однако мужчины более категоричны в отрицании этой инициативы (33 %), чем женщины (18 %). Молодежь среднего возраста также в большей степени расположена одобрить такое нововведение, позволяющее «очистить доброе имя» гражданина.

В ситуации обозначенных возможностей и опасностей использования цифровых коммуникаций особую важность приобретает вопрос: кто же должен регулировать интернет, разрабатывать правила поведения в онлайн-среде? Большая часть (33 %) респондентов предпочла, чтобы интернет регулировался международными организациями, в целях создания единых правил во всем мире. Четверть (25 %) опрошенных считает, что интернет должен регулироваться и международными, и национальными органами власти, так общие правила могут дополняться правилами внутри страны. Значимая часть (15 %) желает, чтобы интернет регулировали национальные правительства, устанавливая в каждой стране свои правила. Лишь немногие (8 %) отметили, что интернет должен регулироваться компаниями, создавшими цифровые платформы. Весьма примечательно, что значимая часть опрошенных (20 %) убеждена в необходимости сохранения интернета как пространства безусловной свобо-

ды, поэтому он не должен регулироваться кем бы то ни было. Если в тех случаях, где допускается институциональное регулирование, в гендерных и возрастных группах наблюдаются близкие распределения, то в числе отрицающих такую необходимость существенно больше мужчин (22 %), чем женщин (16 %), заметно больше молодежи младшей возрастной группы (15–19 лет — 23 %, 20–24 года — 21 %, 25–29 лет — 17 %).

Весомое большинство (63 %) в той или иной степени испытывает неприятие идеи введения в России персональной идентификации пользователей интернета, которая исключит возможность писать анонимные сообщения в социальных сетях и мессенджерах. Причем более резко отрицательно к «выходу из тени» относятся мужчины. Также абсолютное большинство (70 %) молодежи не считает нужным передавать спецслужбам расширенные возможности по осуществлению контроля за безопасностью интернет-коммуникации в России.

Абсолютное большинство (74 %) негативно относится к рассматриваемым намерениям внедрить в России систему социального рейтинга, который составляется посредством цифрового отслеживания поведения граждан. Граждане с высокими баллами получают преференции в продвижении по службе и оплате услуг, а с низкими баллами — санкции, выраженные в ограничениях на работу в государственных учреждениях, получении пенсии и бесплатных медицинских услуг и др. Выраженное отрицательное отношение к социальному рейтингу проявляется как среди мужчин (51 %), так и среди женщин (53 %) во всех возрастных группах.

При этом преобладающее большинство (65 %) опрошенных в той или иной степени положительно относятся к планируемой в России замене обычных «бумажных» паспортов гражданина на электронные в виде пластиковой карточки с чипом, которая будет содержать фотографию владельца, ИНН, СНИЛС, сведения о водительском удостоверении и другие документы. Примечательно, что мужчины (71 %) более, чем женщины (59 %), склонны поддерживать переход на электронные документы. В младшей возрастной группе отмечается большая уверенность в необходимости внедрения цифровых инноваций.

Между тем оценки молодежи в отношении того, должны ли те же законы, нормы, правила, регулирующие жизнь общества в офлайн, распространены на поведение человека в интернет-пространстве, разделились. Несколько большая часть (52 %) в той или иной степени придерживается мнения, что нужно создать единое правовое пространство. Остальные (48 %) считают, что должны быть разные правила для офлайн- и онлайн-сред. Очевидно, что при унификации правил многим придется скорректировать сформированные нормы поведения в цифровой среде. Обусловленные вызовами политического, экономического и технологического развития процессы демаркации национальных границ глобального цифрового пространства и унификации государствами правил поведения в онлайн и офлайн приводят к установлению в каждой из стран своеобразного режима регулирования.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Контекст исследования задан сменой трендов в изучении формируемого цифрового пространства коммуникаций. Ведущее представление о построении глобального мира цифровых коммуникаций опровергается существующей практикой национализации онлайн-пространства. В центре внимания оказывается отношение «цифрового поколения», в котором сформированы ценности и нормы поведения, к государственной политике регулирования.

Российская молодежь показывает высокий уровень «цифрового дайвинга», интенсивно в ежедневном режиме используя онлайн-ресурсы (в абсолютном большинстве — более двух часов в день, из них около половины — более шести часов). Большую часть времени молодежь тратит время в цифровой среде на общение, развлечения и просмотр информации, заметно меньше — на образование и работу, что значительно ослабляет потенциал развития поколения.

Цифровая среда не является для молодежи безопасным пространством жизнедеятельности. Большинство молодых пользователей цифровых коммуникаций испытало воздействие асоциального контента. Значительная часть молодежи часто сталкивается с ненормативной лексикой и фейковой информацией, а также подвергается кибербуллингу. Онлайн-среда, являясь гипертрофированным отражением отношений в офлайн-среде, не создает благоприятных условий для позитивной социализации молодежи.

Введение мер регулирования отношений в цифровой среде настороженно воспринимается молодежью, вынуждая корректировать сформированные нормы поведения в онлайн-пространстве. Стратификация молодых пользователей показала, что большинство поддерживает только избирательные ограничения, касающиеся прежде всего запрета распространения информации среди несовершеннолетних. Причем только четверть российской молодежи является сторонниками жесткого регулирования цифровой среды.

Молодежь склонна поддержать введение более жестких ограничений оборота в цифровой среде асоциального контента, но не расположена поддерживать политические меры по созданию «суверенного интернета», введению наказания за оскорбление власти. В то же время молодежь более расположена рассматривать внедрение цифрового профиля гражданина и запрещение распространения фейковой информации, приветствует практику «права на забвение» в сети. В целом прослеживается четкая зависимость: чем моложе пользователи цифровых коммуникаций, тем выше степень неприятия вводимых государством институциональных правил поведения в интернете.

В качестве регулятора отношений треть молодежи видит международные организации, а четверть больше расположено доверять регулирование совместно международными и национальными органами власти. Значительно меньше пользователей допускают установление ограничений в цифровой среде на уровне отдельных государств. Только немногие доверяют регулирование самим создателям цифровых платформ. Однако весомая доля молодежи стоит за сохранение интернета как пространства безусловной свободы без институтов регулирования.

Большая часть молодежи негативно относится к инициативе введения персональной идентификации пользователей, а также категорически не приемлет идею внедрения системы социального рейтинга граждан. Данные инициативы воспринимаются как механизмы установления контроля государства. В то же время такое знаковое нововведение, как переход на электронные документы, воспринимается молодежью как благо цифровизации.

Российская молодежь не едина во мнении по вопросу переноса норм регулирования общественных отношений из офлайна в онлайн, хотя большая ее часть уже расположена рассматривать реальную и цифровую среду в рамках единого правового порядка. При этом «цифровое поколение» неоднородно также по своим установкам, ценностям и интересам, а значит — в большей степени подвержено манипуляционному воздействию. Внешние вызовы и асоциальные явления обуславливают происходящие процессы суверенизации статуса и унификации правил онлайн-пространства, сформированного цифровыми коммуникациями.

Литература

Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Трансформация интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 87–97. <https://doi.org/10.31857/S013216250013572-2>

Володенков С. В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 148–160. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.13>

Зубец А. Н. Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(2). С. 16–22. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22>

Каминская Т. Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(2). С. 96–101. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101>

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 4. С. 48–69. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03>.

Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина В. А., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18>

Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. № 2. С. 231–246. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(2\).231-246](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246)

Пырма Р. В. «Погружение» граждан в цифровую среду коммуникаций // Власть. 2021. № 1. С. 69–76.

Сморгунов Л. В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62–75.

Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.

Mossberger K., Tolbert C., McNeal R. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA: MIT Press, 2008, 221 p.

Парма Роман Васильевич — канд. полит. наук, доц.; rvparma@fa.ru

Статья поступила в редакцию: 17 января 2022 г.;

рекомендована к печати: 15 февраля 2022 г.

Для цитирования: Парма Р. В. Отношение российской молодежи к государственной политике регулирования цифровых коммуникаций // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 2. С. 138–150. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.202>

ATTITUDE OF RUSSIAN YOUTH TO THE STATE POLICY OF REGULATION OF DIGITAL COMMUNICATIONS*

Roman V. Parma

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky pr., Moscow, 125167, Russian Federation; rvparma@fa.ru

This article measures the attitude of Russian youth towards state-imposed restrictions on the dissemination of information on the Internet, social media, and instant messengers, based on the level of media consumption and threats of destructive influence. Based on an online survey of the target audience, security problems of the digital communications environment, in which illegal and immoral content is widespread, are identified. The study substantively defines the attitude of young people to the creation of a “sovereign Internet” and a digital profile of a Russian citizen, to the introduction of a social rating, the “right to be forgotten”, and personal identification of users, to the prohibition of fake news and insults to the authorities. Also, the attitude of young people to the blocking of digital resources by state bodies, in particular the Telegram messenger, is discussed. The author defines the ratio of supporters of the introduction of severe restrictions, supporters of electoral restrictions and opponents of restrictions among young users of digital communications. In addition, the study revealed the preferences of young people regarding possible regulators of the rules of conduct in the digital environment. Based on the results of the study, it was concluded that the online environment is not perceived by young people as a safe space for everyday activity. Most of respondents regularly encounter various negative effects of network structures. At the same time, the introduction of more stringent Internet regulation is a debatable issue. Young people are inclined to support only several initiatives, critically evaluating the politicization of this process, perceiving it as a mechanism for strengthening state control over society. Given the high heterogeneity of the modern “digital generation”, the author actualizes the problem of manipulative influence and external information threats.

Keywords: digital communications, digital environment, government policy, regulation of relations, *sovereign Internet*, online, offline, youth.

References

Artamonova Yu. D., Volodenkov S. V. Transformation of the Internet as a space of social and political communications: From globalization to glo(local)enclave. *Sociological Studies*, 2021, no. 1, pp. 87–97. <https://doi.org/10.31857/S013216250013572-2> (In Russian)

Castells M. *The Power of Communication*. Moscow: HSE University Publishing House, 2016, 564 p. (In Russian)

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and EISR according to the research project no. 21-011-33041.

Couture S., Toupin S. What does the concept of “sovereignty” mean in the digital world? *International Organisations Research Journal*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 48–69. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03> (In Russian)

Kaminskaya T. L. Responsibility for media content and the problem of censoring the communication space of Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 96–101. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101> (In Russian).

Mossberger K., Tolbert C., McNeal R. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. 221 p.

Nikonov V. A., Voronov A. S., Sazhina V. A., Volodenkov S. V., Rybakova M. V. Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research). *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Politics*, 2021, no. 60, pp. 206–216. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18> (In Russian)

Pankeev I. A., Timofeev A. A. Trends in state regulation of Russian media: Legal aspect. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2020, vol. 9, no. 2, pp. 231–246. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(2\).231-246](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246) (In Russian)

Pyрма R. V. “Immersion” of citizens in the digital environment of communications. *Vlast'*, 2021, no. 1, pp. 69–76. (In Russian)

Schmidt E., Cohen D. *New digital world. How technology is changing people's lives, business models and the concept of the state*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2013. 368 p. (In Russian)

Smorgunov L. V. Institutionalization of manageability and the problem of control in the space of digital communications. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 62–75. (In Russian)

Volodenkov S. V. Information intervention as a phenomenon of the activities of subjects of modern international politics. *Science Journal of VoISU. History. Area Studies. International Relations*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 148–160. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.13> (In Russian)

Zubets A. N. Choice for the West: a fork between an innovative breakthrough and an information dictatorship. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 16–22. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22> (In Russian)

Received: January 17, 2022

Accepted: February 15, 2022

For citation: Parma R. V. Attitude of Russian youth to the state policy of regulation of digital communications. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 2, pp. 138–150. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.202> (In Russian)